

Дискурсы этики. 2022, 1(13): 37—50

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/07/DE2022_1_13_37-50.pdf

УДК 17

«НАИБОЛЕЕ ДОСТОЙНЫЕ» В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Мапельман В. М.

статья:

поступила в редакцию 22.03.2022

принята к публикации 25.05.2022

опубликована (онлайн) 09.07.2022

© Мапельман Валентина Михайловна

доктор философских наук, профессор

профессор Дирекции образовательных программ Московского городского

педагогического университета, Москва, Россия

адрес для корреспонденции: mapelman@mail.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Представлена динамика взглядов в истории цивилизации на такие нравственные ценностные характеристики как «достоинство» и «честь». Выделена их общая сквозная специфика, сохраняющаяся и воспроизводимая на протяжении всего времени существования социума. Подчеркнуты особенности, которые обуславливают многовариантность одновременных трактовок достоинства и чести. Отмечены, с одной стороны, специфика трансформации нравственных взаимоотношений, отразившаяся на многозначности термина «наиболее достойные», а с другой стороны, причины исторической сохранности двойственности его содержательного наполнения. Определено своеобразие проявления достоинства и чести в современный период существования социума. Сформулированы основные общие признаки достойного члена общества, характерные для настоящего времени:

внимателен к собственному образу жизни и к образу жизни окружающих; без принуждения соблюдает нормы приличия и правила поведения; уважает законы; живёт своим легальным трудом; не имеет вредных и опасных для здоровья привычек; уважает исторические, национальные, культурные, семейные традиции общества, к которому принадлежит; заботится об уровне своей культуры и образования; умеет достойно выражать собственные мысли письменно и устно; его внешний вид и поведение не оскорбляют и не провоцируют окружающих. Обозначены условия и причины наполнения современной трактовки термина «наиболее достойные» негативным содержанием. Описаны варианты его использования в отношении таких социальных групп, как государственные служащие и творческая интеллигенция.

Ключевые слова: этика, мораль, нравственность, нравственные ценности, достоинство, честь, благородство, репутация

Discourses of Ethics. 2022, 1(13): 37—50

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/07/DE2022_1_13_37-50.pdf

«THE MOST WORTHY» IN HISTORY AND MODERN LIFE

Mapelman Valentina

received 22.03.2022

accepted 25.05.2022

published (online) 09.07.2022

© Valentina M. Mapelman

Doctor of Philosophy, Professor

Professor, Directorate of Educational Programs, Moscow City University, Russia

Correspondence to: mapelman@mail.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The dynamics of views in the history of civilization on such moral value characteristics as «dignity» and «honor» is presented. Their common end-to-end specificity, which is preserved and reproduced throughout the entire existence of the society, is highlighted. The features that determine the multivariance of simultaneous interpretations of dignity and honor are emphasized. On the one hand, the specificity of the transformation of moral relationships, which is reflected in the ambiguity of the term «the most worthy», and on the other hand, the reasons for the historical preservation of the duality of its content are noted. The originality of the manifestation of dignity and honor in the modern period of the existence of society is determined. The main general features of a worthy member of society, characteristic of the present time, are formulated: attentive to one's own way of life and to the way of life of others; observes the norms of decency and rules of conduct without coercion; respects the laws; lives by his legal labor; does not have harmful and dangerous habits; respects the historical, national,

cultural, family traditions of the society to which it belongs; takes care of the level of their culture and education; able to adequately express their own thoughts in writing and orally; his appearance and behavior do not offend or provoke others. The conditions and reasons for filling the modern interpretation of the term «the most worthy» with negative content are indicated. The variants of its use in relation to such social groups as civil servants and creative intelligentsia are described.

Keywords: ethics, morality, morality, moral values, dignity, honor, nobility, reputation

Между истинными достоинствами человека и всеми другими преимуществами положения в жизни и богатства существует такое же отношение, как между действительными королями и театральными.

А. Шопенгауэр

Для человека всегда была чрезвычайно важна оценка его поведения, как со стороны окружающих, так и самоличная. В связи с этим с незапамятных времен начали складываться такие ценностно-практические характеристики человеческих взаимоотношений как «честь» и «достоинство». *Честь* представляет собой добровольное общественное признание самооценки человека или значимости тех сообществ, в составе которых протекает его жизнь и деятельность. Она отражается в его/их *репутации* (сложившемся общественном мнении на основе учёта опыта предшествующего поведения). Честь необходимо поддерживать, оправдывать, о ней надо заботиться. А вот *достоинство*, являясь проявлением личностного отношения человека к самому себе, закрепляется в его самосознании и обнаруживается через самооценку и самоконтроль. Это своего рода осознание и признание им самим своей личностной значимости. Достоинство представляет собой своеобразную моральную страховку нравственной составляющей совершаемых человеком поступков. Оно даёт ему ощущение важности собственного существования, которое может быть аналогичным образом оценено теми, чьё мнение для него авторитетно. Чувство собственного достоинства (самоуважение) стимулирует развитие особых задатков и дарований, способностей и свойств, развивая, в свою очередь, чувства долга и совести. Достоинство нередко воплощается в

таким качестве как *благородство*. А оно способно сочетать в себе нередко независящую от конкретного человека принадлежность к избранным слоям и ощущение собственной нравственной значимости.

Социум никогда не являлся, не является, и не будет являться монолитом, все члены которого способны обладать одинаковыми (или хотя бы близкими) представлениями о своей личной ценности, реализуемой в поведении. Достоинство, которое формируется на основе индивидуальных способностей и реализуется в поступках, всегда довольно жёстко корректируется общественным положением индивида, то есть признанием его со стороны тех, с кем бы он хотел иметь общие, близкие или похожие интересы, потребности, идеалы, к кругу кого он хотел бы принадлежать. В своё время Лев Николаевич Толстой заметил: «Много есть наказаний гордому человеку, но главное и самое тяжёлое наказание то, что, какие бы ни были у него достоинства и как бы он об этом ни старался, люди не любят его» [5, 10].

Зачатки таких качеств как честь и достоинство начинали формироваться ещё на ранних этапах истории цивилизации в родовом обществе. Однако происходило это в определённой последовательности – от первого ко второму. «Нравственности первобытных народов свойственна бивалентность: внутри родов и племен действуют нравственные принципы коллективизма, братства, равенства, правдивости, взаимопомощи; за пределами рода и племени, в отношениях с чужеродными и чужеплеменниками действуют принципы коварства и жестокости... Генеральное направление и острота борьбы за существование шло не по линии соперничества и конфронтации индивидов, а по линии соперничества популяций, то есть человеческих общностей» [1, 93]. Представления о добре и зле на этом этапе развития социума были максимально переплетёнными. Они сосредотачивали в себе воедино позитивные (равенство, пользу, взаимоподдержку, справедливость, правильное, прекрасное, приятное, полезное, своё) и негативные (злое, опасное, угрожающее, вредное, страшное, чужое, безобразное, враждебное, смертельное) требования, которые сформировались в условиях крайней нищеты, вынужденного естественного кон-

серватизма, жесточайшей необходимости, интеллектуальной примитивности.

Со временем общество начинает постепенно освобождаться от жёсткости своей включенности в природу и зависимости от неё, насыщая внешний мир искусственными, техническими объектами и процессами. Приоритет кровнородственных связей в социальных коллективах шаг за шагом ослабевает и деформируется. Отступает на второй план и природное неравенство отдельных представителей родов и племён. Тесня всё это, набирает силу и влияние неравенство социальное, но родовая кровная природная обусловленность никуда не исчезает, и, существуя до наших дней, будет продолжать сказываться на взаимоотношениях между людьми.

Во времена античности, общество постепенно осознаёт и признаёт ценность отдельного человека, хотя далеко не каждого индивида этим статусом наделяет, да и обладающие им тоже не равны друг другу (в частности, в Афинах это неполноправные метеки, в Спарте – перизки). Степень достойных звания человека определялась правовым образом (законом). У греков все люди подразделялись на два сословия: граждан и неграждан (женщины, жители отдаленных провинций, иностранцы, вольноотпущенники). Граждане обладали правами, а неграждане – не обладали, хотя право работать они имели. У римлян население делилось на патрициев (потомки древних жителей Рима, обладающие всеми гражданскими правами) и плебеев (переселенцы из других областей Италии, имеющие только право службы в войске и получения части добычи).

Те, кто находился в рабстве, людьми не считались. В зрелые периоды существования античного общества это было закреплено в виде основного правового принципа, определявшего положение раба, *servi res sunt* (с лат. – «рабы это вещи»), то есть раб представляет собой «говорящее орудие», неодушевлённую собственность.

Претендующие на самые высокие места в социальной иерархии представители древнегреческого общества вели свою родословную от богов. В этом случае они как бы указывали на тех, от кого они свои

достоинства получили непосредственно, будучи прямыми или косвенными потомками богов. Эти вложенные в них природно-кровные задатки можно развивать (задача не моральная), но их нельзя приобрести, воспитать. Однако в период Древнего Рима рядом с человеком-потомком богов появляется человек, который не получал в наследство того, без чего он не сможет подняться до желаемого им социального уровня. Ему, чтобы реализовать свои притязания, было необходимо многое узнать, многому научиться, сформировать в себе новые качества и умения (это уже задача моральная). В итоге такой человек нуждался не только в самоуважении (чувстве собственного достоинства), но и в соответствующей репутации со стороны окружающих (признании его чести).

Древний Рим, победив и подчинив себе Древнюю Грецию, не стремился изжить греческий образ жизни, а постарался приспособить его к интересам нобилей (от лат. *nobilis* – благородный), представлявших собой новую знать. Этот довольно замкнутый компактный круг людей включал в себя не только патрициев, но и знатных плебеев, сумевших занять важные государственные должности и желавших пополнить ряды аристократов.

Те и другие были единомышленниками по целому ряду принципиальных вопросов: о приоритетности личных интересов по сравнению с государственными, о воплощении счастья в индивидуальной свободе и благополучии, о справедливости существования избранных сословий («достойных граждан») и их праве на привилегии. Благородный человек – это не просто рождённый в знатном семействе, но и обладающий исключительными личностными качествами, что является несомненным для него самого (достоинство) и для окружающих (честь). Данное обстоятельство фиксируется, подчёркивается и демонстрируется с помощью титулов, званий, правил формирования и звучания имён, обращений друг к другу, одежды и других формальных знаков.

При этом все остальные свободные люди (граждане и неграждане), претендовать на подобные проявления достоинства не имели права.

В этике категории «достоинства» и «чести» начали в общих чертах прорисовываться ещё представителями римского стоицизма: Сенекой (государственный деятель), Эпиктетом (вольнотпущенный раб), Марком Аврелием (римский император). Они обратили внимание на то, что перед человеком рано или поздно встанут вопросы смысла и цели его существования, а ответы на них становятся сердцевиной его самооценки. По их мнению, достоинство и честь предстают в качестве наивысших ценностей человека. Стоики цель жизни связывали с достижением счастья, которое заключается в следовании своей природе, в автаркии (от др.-греч. αὐτάρκεια – самоудовлетворенность), в независимости от внешних событий, к которым надо относиться безразлично, безучастно (апатично). Свободен и счастлив мудрец, способный совладать с собственными страстями. В этом его достоинство, которое и является его единственной личной собственностью. Несчастлив раб, находящийся во власти своих страстей, не обладающий ничем и даже самим собой, а потому не имеющий и достоинства.

В Средневековье мораль, тщательно контролируемая религиозным мировоззрением, стала откровенно сословной и воплотилась в целую серию нравственных кодексов (рыцарских, духовных орденов, купеческих, цеховых, университетских и др). В них общие моральные ориентиры либо приобретали специфическую окраску, либо становились локальными для отдельных социальных групп. Честь и достоинство оказались в числе тех качеств, которые демонстрировали культурную исключительность привилегированных слоёв общества и не могли иметь отношения к иным социальным группам. Любая попытка вассала продемонстрировать их, ставилась в упрек сюзерену.

Направленность правил взаимоотношения внутри всех слоёв общества была откровенно кастовой и двойственной: бесспорная позитивность моральных рекомендаций и откровенная уязвимость нравственного поведения. Верность клятве, мужество и храбрость феодала достойно проявлялись лишь по отношению к представителям своего сословия или к своему сюзерену, а в отношении других они могли без всякого зазрения совести нарушаться. Воспитанность, образован-

ность, такт, уважение, жалость, снисходительность «наиболее достойных» касались лишь людей своего круга и соседствовали с жестокостью, грубостью, презрением, нетерпимостью к чужим. У простых людей трудолюбие, смекалка, распорядительность, бережливость, скромность уживались со скопидомством, лицемерием, угодничеством, хитростью, покорностью, холопством.

Однако претензии на достоинство и честь, как в античные, так и в средневековые времена предъявляли представители всех слоёв населения. В рабскую или крепостную зависимость нередко попадали и те, кто до этого были знатыми, богатыми, уважаемыми. Они не могли просто забыть и освободиться от чувства собственного достоинства. Кроме того у рабов и крестьян, солдат и ремесленников нередко проявлялись такие незаурядные таланты и задатки, которые заставляли с этим считаться не только ближайшее окружение, но и представителей наиболее титулованных слоёв. Однако формирующееся чувство собственного достоинства в этом случае не поддерживалось встречным признанием их чести. Хотя в подобных случаях встречались и свои персональные исключения.

Пробивающие себе дорогу с XIII-XIV веков буржуазные отношения требуют для своей реализации и развития людей других взглядов, качеств и принципов жизни – незаурядных, деловитых, энергичных, предприимчивых, рискованных, авантюрных. В этот период именно достоинство постепенно становится базой для чести, ибо «честь – это достоинство прежде всего, достоинство положительно живущего человека» [3, 13]. Богатеющие банкиры, купцы, владельцы мануфактур желали быть равными с избранными (знатыми) по закону, по образу жизни и по престижности. Рядом с ними шли те, кто готов был обеспечивать их идейные претензии – политики, общественные деятели, представители культуры (будущая светская интеллигенция). Платой за подобное содействие должна была послужить их включенность в обновляющуюся группу «наиболее достойных», которая при этом старательно защищала свою исключительность через доступность (недоступность) образования, занятий наукой и искусством. «Наиболее

достойные» эпохи Возрождения своё право на уважение, репутацию, свободу, честь нередко подкрепляли экономическим преуспеванием, а их пропаганда высоких общечеловеческих моральных ценностей сопровождалась образом жизни мало с ними согласующимся.

Эпоха Просвещения (XVIII в.) эту ситуацию ещё более укрепила и отчасти узаконила. Многие из просветителей считали социальное равенство несправедливым, уверенные в том, что нельзя уравнивать чернь с «порядочными людьми» (например, Вольтер). И это было логично, так как буржуазные отношения всегда сориентированы на успех, измеряемый материальным обладанием или властным влиянием. Для них характерен приоритет личных интересов над общественными; неприкосновенность частной собственности; предпочтение правового регулирования над моральным; оценка любых трудовых усилий в товарно-денежных эквивалентах. Для представителей буржуазной морали важно сделать привлекательным для всех свой образ жизни, измеряя его уровень степенью потребительства, и сводя социальный прогресс к его научно-технической составляющей.

Буржуазная мораль тщательно отслеживает подразделение людей на «благородных» и «неблагородных». Она при этом изо всех сил стремится выступать с общечеловеческих позиций, избегает какого-либо учёта исторической специфики (в том числе и религиозной), а близкие для себя идеалы и оценки прописывает как единственно справедливые и образцовые.

Настоящее время продолжает сложившуюся традицию двойственности представления о «наиболее достойных» членах общества. Чем чаще и громче звучат заявления об общечеловеческих ценностях и шире пропагандируются общие благие моральные ориентиры, тем глубже становится разрыв между двумя довольно разноплановыми группами «наиболее достойных».

Для первой характерны действительные достижения талантливых особо одарённых личностей, направленные на благо общества в целом и его отдельных представителей, адекватно оцениваемые как их авторами, так и окружающими. Современный действительно достой-

ный человек это тот, кто без принуждения соблюдает нормы приличия и правила поведения. Он уважает законы, и живёт своим легальным трудом. Его внешний вид и поведение не оскорбляет и не провоцирует окружающих. Он не имеет привычек вредных и опасных для здоровья и жизни, как его самого, так и других людей. Он уважает исторические, национальные, культурные, семейные традиции общества, к которому принадлежит. Он заботится об уровне своей культуры и образованности, умея при этом достойно выражать свои мысли письменно и устно. Существование таких людей нередко сопровождается достатком, что свидетельствует об их нравственной сохранности, а не о стремлении к богатству. Таких действительно достойных людей в современном мире много, хотя в силу их скромности, щепетильности, воспитания, культуры и интеллигентности мы о них знаем совсем немного.

Гораздо более известными являются представители второй группы, считающие себя «наиболее достойными» в силу зазнайства, эгоизма, высокомерия, тщеславия, присвоенного себе личного «права» на безответственное поведение. Свое «благородство» они связывают не с собственными качествами и поступками, а с родственными, клановыми отношениями или причастностью к бюрократическим властным структурам. Как отмечал еще в XVII веке французский писатель-моралист Франсуа де Ларошфуко: «То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается перерожденным честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идёт к крупным» [2, максима 246]. Для них богатство (но не достаток), является приоритетным показателем их значимости, ради денег или власти они способны совершать, как противоправные, так и безнравственные поступки. Уровень своей личной значимости они определяют объёмом собственности, которой обладают. Правда, такие ориентиры позитивно оцениваются только в среде им подобных.

В частности в нашем обществе это можно наблюдать по деятельности многих представителей таких двух социальных групп, как «государственные служащие» и творческая интеллигенция. Госслужащие составляют основную часть государственно-административной бюро-

кратии нашей страны. Они существуют за счёт бюджета, но в отличие от обычных бюджетников, имеют широкие возможности самостоятельно определять условия своего существования: обеспечение максимально стабильного положения, значительное число льгот, постоянно растущее денежное содержание и уровень пенсий, гарантии лояльности закона к своим действиям и их последствиям. Госслужащие готовы руководить всем и всеми. В творческой среде в число «наиболее достойных» чаще всего попадают те, кто старается занять близкое место рядом с госслужащими. Они привлекают к себе внимание скандальностью, эпатажностью и провокационностью своих творений и личного поведения. При малейшей угрозе их положению те и другие быстро меняют свои должности и покровителей на равноценные в статусном и финансовом отношениях. Степень профессионализма представителей обеих этих групп невысока, о чём свидетельствуют результаты их деятельности.

К сожалению, в условиях развивающихся процессов коммерциализации, формализации, цифровизации и обезличивания современного общества «достоинство» будет обречено выглядеть всё более незаслуженным и о претендующих на него можно будет сказать, что «его сюртук стоил больше, чем его честь» [Лихтенберг, с. 132]. Именно поэтому «наиболее достойные» люди наших дней в значительной степени воспринимаются окружающими как сосредоточие социальной несправедливости и бесчестия.

Список литературы

1. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М.: Политиздат, 1974. 126 с.
2. де Ларошфуко Ф. Максимы. Мемуары. М.: АСТ, 2011. 352 с.
3. Лихачёв Д.С., Самвелян Н.Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.: Советская Россия, 1988. 144 с.
4. Лихтенберг Г.К. Афоризмы. М.: Наука, 1994. 344 с.
5. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Эксмо, 2009. 448 с.

Мапельман В. М.
«Наиболее достойные» в истории и современной жизни

References

1. Zybkovec V.F. *Proiskhozhdenie npravstvennosti* [Origin of Morality], Moscow: Politizdat; 1974. p. 126.
2. de La Rochefoucauld F. *Maksimy. Memuary* [Maxims. Memoirs], Moscow: AST; 2011. p.352.
3. Likhachov D.S., Samvelyan N.G. *Dialogi o dne vcherashnem, segodnyashnem i zavtrashnem* [Dialogues about yesterday, today and tomorrow], Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1988. p.144.
4. Lichtenberg G.C. *Aforizmy* [Aphorisms], Moscow: Nauka; 1994. p. 344.
5. Tolstoy L.N. *Put' zhizni* [Path of life], Moscow: Eksmo; 2009. p. 448.